

УДК 811.161.1' 06

О КОГНИТИВНОЙ ПРИРОДЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ПАРАДОКСА

В. И. Тармаева

Парадокс – не обычное явление в рамках так называемой естественно-рассудочной аргументации или наивного мышления. Нарушение стереотипов восприятия знаменует прорыв за пределы привычных представлений. Поэтому остроумие не считается выражением обыденного сознания, а воспринимается как языкотворческая деятельность, способствующая экологичности коммуникации. При использовании фразеологического парадокса в качестве речестратегического приема вводятся окказиональные глубинные смыслы, контрастирующие с игровыми поверхностными смыслами, позволяя говорящему использовать иллокуцию, нацеленную на существенный перлокутивный эффект, прикрытый впечатлением игры.

Ключевые слова и фразы: фразеологический парадокс; иллокуция; перлокутивный эффект; комический эффект; речевые акты; игровые контексты.

ABOUT COGNITIVE NATURE OF A PHRASEOLOGICAL PARADOX

V. I. Tarmaeva

Paradox is not exactly common in the so-called natural-reasoning or naive thinking. Contrary to stereotypes of perception it signifies a breakthrough beyond the usual representations. Therefore wit has always been perceived as an act of creative activity ensuring eco-friendliness. Whilst using a phraseological paradox as a means of speech strategy, occasional deep meanings contrasting with the game surface meanings allow the speaker to use illocution, which is aimed at the significant perlocutive effect under the impression of the game, play behavior.

Keywords and phrases: phraseological paradox; illocution; perlocutive effect; comic effect; speech acts; gaming contexts.

Парадокс как определенную словесную композицию определяют следующим образом: «кажущееся абсурдным и противоречащее здравому смыслу утверждение, своеобразное мнение, которое резко расходится с общепринятым» [Философский энциклопедический словарь 1983: 977]. Сам термин «парадокс» возник в античной философии для характеристики нового, необычного, неожиданного, оригинального мнения.

«Парадокс провоцирует разум, побуждает нас к активному мышлению, познанию сути вещей. Ему свойственна определенная двусторонность, двойственность, и, что особенно характерно, он обладает специфическими когнитивными свойствами. От латинского cogitare идут две деривационные линии. Одна связана с понятием «мыслить», а другая – с понятием «состоять в связи, в родстве» (ср. «когнаты» – кровные родственники в Древнем Риме). В современном понятии «когнитивный» две прототипические линии соединяются. В этом соединении образуется понятие «категоризация» – «мыслить, отыскивая связи, родство»

[Философский энциклопедический словарь 1983]. Каждое средство языка может быть охарактеризовано как средство категоризации, ибо как энергия не может возникнуть из ничего, так языковое средство не может возникнуть без акта мыслительной деятельности, находящегося в связи с предшествующими и сопутствующими актами. Задача лингвиста – определить специфику категоризации отдельными классами языковых единиц. Комические выражения обладают специфическими когнитивными свойствами (= свойствами категоризации). Парадокс также является родовым явлением в языке и также обладает специфическими когнитивными свойствами.

Наряду с достаточно серьезными парадоксами (например, высказыванием Т. Джефферсона: «Война – такое же наказание для победителя, как и для побежденного») имеются и парадоксы, являющиеся откровенными пародиями. Таковы, например, многочисленные высказывания Дж. Б. Шоу («Не поступай с другими так, как хочешь, чтобы они поступили с тобой: у вас могут быть разные вкусы») и О. Уайльда («Не откладывай на завтра то, что можешь сделать послезавтра»). Парадоксы в значительной степени лежат и в основе поэтики пословиц и поговорок («Тише едешь – дальше будешь», «И волки сыты, и овцы целы», «Гора родила мышь», «Мягко стелет, да жестко спать», «Iron hand in a velvet glove» и т.д.), басен; они используются как прием в детской «поэзии нелепостей» (Л. Кэрролл, А. Милн, Э. Лир, К. И. Чуковский). Не вызывает сомнений парадоксальность оксюморонных словосочетаний, функционирующих как в разговорной, так и в поэтической речи (ср. «горячий снег», «мудрое безумие», «сладкая мука», «белый негр»).

Литературоведы и лингвисты, равно как философы и логики, сходятся в том, что телеологическая связка «парадокс – комическое» универсальна. Мы не ставим задачи классифицировать формы комического. За основу можно взять классификацию Б. Дземидока, который выделяет иронию как одну из промежуточных форм комического и трактовать иронию «как один из видов техники комического», который используется как сатирой, так и юмором и представляет собой «замаскированную насмешку, где скрытый смысл является отрицанием буквального» [Дземидок 1974: 45]. Таким образом, ирония выступает в качестве комического парадокса, что не противоречит теории Дземидока. Ирония более интеллектуальна, чем юмор, она склонна к рефлексии и эмоционально более примитивна, чем юмор [Дземидок 1974].

Рассмотрение парадокса в качестве языковой игры выглядит более закономерным, если напомнить тот факт, что ряд исследователей, в первую очередь Л. Витгенштейн, сравнивали языковой процесс с игрой. [Витгенштейн 1994: 90].

Г.-Г. Гадамер сумел выделить кардинальные признаки игры, позволяющие осуществить идентификацию в ситуациях знаковой культуры. Немецкий философ возражает против распространенного мнения, утверждающего, что любая игра преследует определенную цель. Он пишет: «Особенность человеческой игры заключается в том, что, вбирая в себя разум, эту исключительную способность ставить цели и сознательно к ним стремиться, она в то же время в состоянии обуздать это стремление к целеполаганию. Человечность человеческой игры именно в том, что в ней игровые движения <...> сами себя дисциплинируют и упорядочивают, как будто в этом действительно присутствует цель» [Гадамер 1991: 289]. Продолжая рассуждать о таких важных признаках игры, как участие, вовлеченность участников во всепоглощающий ритм, Г.-Г. Гадамер наконец приходит к выводу о коммуникативном характере игрового действия: «игра является коммуникативным действием в том смысле, что, собственно, не такая уж большая разница между тем, кто играет, и тем, кто наблюдает» [Гадамер 1991: 289].

Приведенные высказывания позволяют сформулировать предположение об игровой сущности языкового парадокса. Логика рассуждений Г.-Г. Гадамера о необязательности цели и целеполагания как структурных компонентов игры позволяет предположить, что языковой (в частности, фразеологический) парадокс не всегда будет иметь иллюкутивную цель. Так, использование фразеологического парадокса обычно сопровождается комическим эффектом, но было бы неверно утверждать, что желание посмеяться связано у коммуникантов с определенной речестратегической целью. Необязательность такой цели также входит в игровую сущность парадокса [Гадамер 1991].

В то же время парадокс как прием речевого воздействия может использоваться в различных коммуникативных ситуациях, приводящих к экологичному равновесию:

1. Парадокс может действовать отвлекаяще и удерживать мысль от дальнейшего продвижения по ложному или запретному пути в условиях назревающего конфликта. Парадоксальный характер действий или слов избавляет партнеров по коммуникации от необходимости серьезно относиться к сказанному или вновь обнаруженным фактам. Тем самым устраняется причина конфликта.

К примеру, спор можно легко завершить, использовав парадокс, который вызовет смех, положительные эмоции:

–Kreshak know anything?

–He goes out today. He's the one who always wants somebody combing his hair. He gives me creeps.

I patted her starchy shoulder. "If you have to comb it again, you've got my permission to use a chair-leg."

The gag was no good, but I heard the girl giggle... (J.Joyce)

2. Парадокс может быть использован в ситуации, требующей выяснения взглядов, позиций, намерений партнера по коммуникации, но исключающей постановку прямых вопросов на эту тему.

В нижеприведенном примере один из собеседников, пытаясь выяснить намерение партнера по коммуникации, использует окказиональный фразеологический парадокс (далее – ФП) вместо прямого вопроса на эту тему:

All the men are alike in the United States, aren't they? It makes no odds whether a man has a thousand pound, or nothing, there. Particular in New York, I'm told, where Ned landed. (Kenkusha)

В данном примере парадоксальным образом изменена фразеологическая единица (далее – ФЕ) *make odds even* – «устранить различия, сгладить разницу».

3. Парадокс может использоваться с целью «развенчания и срывания масок», для выражения критического отношения к какому-то явлению объективной действительности. При этом степень критичности может быть различной.

Nowadays with our modern mania for morality, everyone has to pose as a paragon of purity, incorruptibility, and all the other seven deadly virtues, and what is the result? (O.Wilde)

В данном примере ФП «*seven deadly virtues*» используется с целью обличения и выражения критического отношения к буржуазной морали.

4. Парадокс может быть использован в качестве средства завоевания благосклонного отношения более влиятельного лица. Говорящий прибегает к самоотрицанию, к «возвышению» своего собеседника.

Например, один из партнеров по коммуникации использует ФП «*to build castles in the air*» для характеристики своих действий и самоуничужения, а «ловкие» действия своего влиятельного партнера может охарактеризовать, использовав ФП «*to run with the hare and hunt with the hounds*» для того, чтобы влиятельный собеседник почувствовал жалость по отношению к говорящему и был бы благосклонен к последнему. Трудно оставаться равнодушным к похвалам и льстивым речам окружающих. Осознание собственной значимости и нужности людям рождает положительные эмоции и располагает к коммуникации.

5. Парадокс используется для оказания поддержки испытывающему смущение человеку, который оказался в какой-либо неловкой ситуации, так как невольно нарушил правила этикета. Используя парадокс, говорящий пытается вызвать улыбку, добрый смех, которые непременно разрядят обстановку и могут действовать отвлекающе.

К примеру, чтобы подбодрить опоздавшего гостя, хозяин может использовать ФП *punctuality is the thief of time*. Данный ФП встречается в произведении О. Уайльда «Портрет Дориана Грея»: *«Lord Henry had not come in. He was always late on principle, his principle being that punctuality is the thief of time»*.

6. Парадокс может использоваться с целью смягчения противостояния. Обрывая рассуждение, парадокс цепко схватывает мысль и выводит абсурдность в четкий фокус, тем самым происходит смена темы разговора и замена морального противоречия парадоксальным противоречием. Таким образом, партнеры по коммуникации избегают конфликтных моментов и ссор.

«I wish we could be married and have five sons,» the Colonel said.

«So do I,» the girl said. «And send them to the five corners of the world.»

«Are there five corners of the world?» «I don't know,» she said. «It sounded as though there were when I said it» (E.Hemingway)

Девушка, обрывая предложение своего собеседника, использует ФП «five corners of the world» для того, чтобы сменить тему разговора.

7. Зачастую проблема, которую коммуникантам предстоит обсудить, очень сложна и серьезна, поэтому собеседники испытывают психологическое «чувство дискомфорта», боятся подступить к ней. Во многих случаях это обусловлено тем, что им приходится обсуждать темы, именовать явления действительности, которые в силу социально-психологических причин являются табуированными в данном обществе. Парадокс в таких случаях выступает в качестве средства, позволяющего выразить чувства по отношению к тому, для чего не существует социально приемлемого или легкого способа выражения.

The amount of women in London who flirt with their own husbands is perfectly scandalous. It looks so bad. It is simply washing one's clean linen in public. (O.Wilde)

В приведенном примере говорящий выражает свои чувства по отношению к предосудительному поведению некоторых людей. Говорящий использует окказиональный ФП «washing one's clean linen in public», так как не существует легкого способа выражения для такого поведения.

8. Парадокс способен разряжать обстановку, разрушать барьеры между людьми, сокращать дистанцию между коммуникантами, облегчая тем самым процесс общения и придавая ему неформальный, интимный характер. Это позволяет использовать парадокс как средство завоевания расположения партнера по коммуникации, привлечения и удержания его внимания.

«He is no longer a stumbling block. A rolling stone. That is.» Jose smiled. The trust was recovered. (R.Dahl)

В данном примере ФП образуется в результате столкновения двух фразеологизмов – a stumbling block in a rolling stone. Их компоненты stone и block находятся в тематической связи как слова свободного употребления. Однако попадая во фразеологический фрейм, они – в данном контексте – актуализируют слот «твердый; каменный» (герой, о котором идет речь, отличается неуступчивым характером). С другой стороны, a rolling stone – «перекати-поле», «вечно странствующий человек» – вводит в контекст контрастное данному слоту поле. Так возникает парадокс, снимающий напряжение предшествующей ситуации, восстанавливающий доверие между коммуникантами.

Итак, все эти коммуникативные ситуации описывают различные виды речевого воздействия с целью повышения экологичности коммуникации между собеседниками путем ее гармонизации.

Приведенная типология коммуникативных ситуаций, в рамках которых использование вербальных средств подчинено цели создания парадоксального эффекта, и выявленные при этом закономерности построения сообщений позволяют прогнозировать те когнитивные механизмы, которые лежат в основе вербальных средств, целенаправленно используемых для передачи информации парадоксального характера.

В этой связи следует отметить, что для выяснения мнения партнера по коммуникации по поводу обсуждаемой ситуации, для того чтобы «увести в сторону» от серьезных и очень серьезных аспектов проблемы, обсуждение которых может создать конфликтную ситуацию, или для того, чтобы не акцентировать внимание на имеющей место в рамках данной ситуации «поведенческой ошибке», а указать на нее в мягкой форме, субъект речи использует прием выделения новых, парадоксальных, неожиданных или явно второстепенных аспектов обсуждаемой ситуации, что, в силу изменения ракурса ее рассмотрения, ведет к нарушению общего стереотипного представления о данной ситуации.

Фразеологические парадоксы в качестве речестратегического приема возникают в результате контекстного обыгрывания:

*I read «Under a disconcertingly brusque and even harsh manner mr. Chawdron concealed the kindest of natures. A stranger meeting him for the first time was often repelled by a certain superficial roughness. It was only his intimates that he revealed – guess what – «**the heart of gold beneath**».*

*«**Heart of gold!**» Tilney took his pipe out of his mouth to laugh.... «Extraordinary,» I reflected aloud, «the way they all have hearts of gold, and religious senses. Every single one, from the rough old man of science to the tough old business man and the gruff old statesman.»... «**Hearts of gold!**» Tilney repeated... «Hearts of hog-wash.. For it isn't only tough old business men who have the hearts of hog-wash. It's also, as you yourself remarked just now, the gruff old scientists, the rough old scholars, the bluff old admirals and bishops and all the other **pillars of christian society**» (A.Huxley)*

Дискурсивные стратегии коммуникантов, как видно из контекста, диаметрально противоположны. Несмотря на противоположность стратегий, аксиологическое ядро высказываний автора и его собеседника Тилнея приходится на фразеологизм heart of gold. Характерно, что положительная эмоционально-оценочная доминанта в высказывании автора нейтрализует отрицательную оценку, противоречащую аксиологической доминанте – Тилней прибегает к замене ключевого компонента ФЕ (gold – hog-wash). В результате повторно использованные предикаты rough, tough и gruff вновь обретают свойственную им отрицательную оценку (трансформации соответствует введение дополнительного предиката). Но, пожалуй, самая примечательная аксиологическая трансформация происходит с фразеологизмом pillars of (christian) society. Он приобретает окказиональный парадоксальный смысл в результате «иллокутивного давления» со стороны преобразованной ФЕ heart of gold и вновь обращенных прилагательных, характеризующих объект иллокуции. Иллокутивную силу высказывания можно выразить контраргументативной пропозицией: «А я заявляю, что не из золота у них сердце, а из помоев – ... у всех столпов общества». Нецелесообразно категорически настаивать на безвариантности такого рода интерпретации. Тем не менее, избранный вариант представляется более предпочтительным, потому что он позволяет свести в одно целое иллокутивные и эмоционально-оценочные параметры высказывания с окказиональными ФП.

*We are at the heart, here, of our human universe. Come, then, let us frankly admit that we are **citizens of this mean city, make the worst of it resolutely and not try to escape.** (A.Huxley)*

Объяснение, как представляется, вытекает из концептуальной многомерности символов. Данное свойство символов эффективно поддерживает кажущуюся

двусмысленность парадоксальных контекстов. «Сердце человеческого общества» оказывается полным пороков. Этот смысл индуцирован парадоксальной трансформацией фразеологизмов *citizens of no mean city* и *make the best of something* (аналогичной трансформации была подвергнута ФЕ *heart of gold* в приведенном первом примере). Иллокуцию высказывания с окказиональным ФП можно выразить следующей пропозицией: «Заявляю, что мы, жители этого мерзкого города, делаем его еще омерзительнее и не хотим ничего изменить».

По характеру высказываний с окказиональными ФП можно заключить, что преобладающей иллокуцией в них является декларатив. Как представляется, это обстоятельство связано с игровой сущностью парадокса. Декларатив не предполагает каких-либо категоричных требований, обязательств, претензий к коммуникантам (перформативность глагола «заявлять» ставилась под сомнение еще Дж. Остиным). В большинстве контекстов, связанных ключевой пропозицией «Я заявляю, что S», нелегко разглядеть планируемый перлокутивный эффект. Поскольку одним из наиболее стойких признаков игры является отсутствие цели, декларативная иллокуция оказывается наиболее распространенной и типичной для соответствующих речевых актов.

Данный вывод подтверждается также тем, что используя ФП в неигровом контексте, говорящий обычно наделяет высказывание иной, отличной от декларатива иллокуцией. В качестве примера приведем цитату из речи А. Линкольна:

*Mr. Speaker, it is no business or inclination of mine to defend Martin Van Buren. In the war of extermination now waging between him and his old admirers, I say, **devil take the hindmost - and the foremost.** But there is no mistaking in the origin of the breach; and if the curse of «stinking» and «rotting» is to fall on the first and greatest violators of principle in the matter, I disinterestedly suggest, that the gentleman from Georgia and his present co-workers are bound to take it upon themselves. (Great Speeches).*

Очевидно, что окказиональный парадокс *devil take the hindmost* употреблен в контексте ассертивной иллокуции. Несмотря на директивный характер заключительной пропозиции *I suggest that A do P*, высказывание в целом развивает ассертивную иллокуцию, потому что обращено к спикеру.

Характерная особенность речей А. Линкольна – частое использование парадокса в заключительной части – неизбежно заставляет призадуматься: является ли данная особенность чертой языковой личности или она скорее выражает определенную дискурсионно-композиционную закономерность использования парадоксов. Большинство

аргументов свидетельствует в пользу второго предположения. Во-первых, парадоксальная смысловая структура заключения речи, статьи, эссе – в целом, жанровых форм, подпадающих под определение аргументативного дискурса – это далеко не исключительная особенность А. Линкольна как языковой личности. Для подтверждения приведем два примера: концовку «Введения» философско-биографической книги Д. Буэрстина о Т. Джефферсоне и окончание лекции известного европейского политолога Дж. Галтунга:

*While the «world» of Thorns Jefferson – the mindscape of ideas which I describe in this book – may be lost, the figure of Jefferson is very much with us. This heroic Jefferson embodies the conundrum: How can **our past speak to our present**? The miracle is now a man so thoroughly immersed in the peculiar thought of his age can remain a living American statesman in the twentieth century. (Boorstin)*

*Why should we have a dependency on capitalist production patterns when the Green economy and the informal economy could be doing so much for us – meaning, by «informal economy», production for own consumption..., and production for exchange against money, but in very small, limited economic cycles. However, when this happens in my country, the bureaucrats come in and want to tax it, and you are supposed to put it on your income – tax return, otherwise **they are not green but have a black economy**. (Galtung)*

Подчеркнутые сочетания слов в цитатах обладают парадоксальным смыслом, хотя и не являются фразеологическими парадоксами. Представляется, что причины регулярного использования парадоксальных контекстов в заключительных высказываниях участников аргументативного дискурса прежде всего заключаются в особом характере этой структурно-композиционной части коммуникации. В заключительной части аргументативного дискурса высказывание стремится к семантической автономности, принимая порой парадоксальные формы, отражающие стратегии взвешивания «за» и «против». Эти формы обычно лексикализуются (ср. *past – present*; *green – black* в рассмотренных выше примерах), потому что семантическая автономность требует эксплицитных форм выражения, обладающих относительной контекстной свободой.

Образование фразеологических парадоксов обычно также связано с заменой, перестановкой компонентов, их использованием в грамматически антонимичных формах:

*Scientific morality is heartily disliked by the sentimental humanitarians, who **are kind only to be cruel**, and ignored by politicians, as having no relation to the next election. (W. R. Inge)*

В данном примере возникает ФП в результате перестановки компонентов в *to be cruel to be kind*. Источником данной единицы является произведение У.Шекспира «Гамлет»: *I must be cruel only to be kind. (W. Shakespeare)*

Ассертивный характер иллокуции устанавливается на основе анализа ценностных ориентаций автора высказывания, исповедуемых в дискурсе. У. Инге считает либерализм гуманистическим опасным идейным заблуждением, препятствующим более трезвому «инженерному» подходу к решению проблем человечества. Данная ориентация способствует наращению ассертивной иллокутивной силы в дискурсе. Вokkaциональном ФП эксплицируется ее обвинительный пафос.

Характер осуждения, обвинения в ассертивных иллокуциях, свойственных парадоксальным контекстам, носит несколько дистанцированный от автора, явно расчетливый аксиологический смысл. Иными словами, и в «серьезных» ситуациях с использованием ФП наличествует некоторая декларативность, действие согласно стратегической установке. Представляется, что Дж. Остин очень точно выразил суть стратегии говорящего в таких случаях: «умышленное осуждение может быть представлено как косвенный речевой акт, в котором под декларативной формой скрыт ассертив» [Остин 1986: 25].

Таким образом, суммируя вышесказанное, следует акцентировать следующие моменты:

1. Парадокс, точнее его социокультурный прототип, связан с игровой ситуацией. Парадоксальные контексты обычно связываются с комическим эффектом. Это естественно, потому что для достижения последнего коммуникативное целеполагание необязательно, равно как и необязательно наличие цели в игре.

2. Фразеологические парадоксы могут применяться в качестве речестратегических приемов. Фразеологический парадокс является экологичным речестратегическим приемом. Введениеokkaциональных глубинных смыслов, контрастирующих с игровыми поверхностными смыслами, позволяет говорящему использовать иллокуцию, нацеленную на существенный перлокутивный эффект, прикрываясь впечатлением игры, игрового поведения. Парадокс обращается в апелляцию к «серьезным» темам и намерениям, если говорящий вводит в контекст единицы смысла с противоположным исходному экстенционалом. Говорящий, используяokkaциональный парадокс, повышает надежность избранной речевой стратегии. Требуя – по социолингвистическим нормам – от слушающего игровой интерпретации сказанного, он тем не менее выражает стратегически важные мысли

и при этом лишает слушающего возможности адекватного по эффективности ответа. В результате речестратегических действий говорящего в дискурсе обычно взаимодействуют две иллокуции: декларативная и ассертивная. Это – «техническое» определение когнитивного механизма окказионального фразеологического парадокса.

Список литературы

- Витгенштейн Л. Философские работы / Пер. с нем. М.: Гнозис, 1994. 612 с.
Гадамер Г. - Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. С. 280–288.
Дземидок Б. О комическом. М.: Прогресс, 1974. 223 с.
Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс. 1986. Вып. XVI. С. 22–29.
Философский энциклопедический словарь / гл. ред.: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев и др. М.: Советская энциклопедия, 1983. 840 с.
Тармаева В. Д. Языковая игра и фразеологический оборот // Фразеология и личность. Иркутск: ИГПИИЯ, 1995. С. 114–119.
Тармаева В. Д. Когнитивная природа фразеологического парадокса в английском языке. Улан-Удэ: БГУ, 1999. 100 с.
Тармаева В. И. Дивинация событий как установка когнитивной гармонии в повествовательном дискурсе // Филология и человек. 2012. № 3. С. 86–95.

References

- Wittgenstein L. Filosofskie raboty [Philosophical works]. M.: Gnozis, 1994. 612 p.
Gadamer H.G. Aktual'nost' prekrasnogo [The relevance of the beautiful]. M.: Iskusstvo Publ., 1991. Pp. 280–288.
Dzemidok B.O. O komicheskom [About comical]. M.: Progress, 1974. 223 p.
Austin J.L. Slovo kak deistvie [How to do things with words]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*. M. Progress, 1986. Issue XVI. Pp. 22–29.
Filosofskij ehntsiklopedicheskij slovar' [Philosophical encyclopedic dictionary]. Gl. red.: L.F. Il'ichev, P.N. Fedoseev i dr. M.: Sovetskaya ehntsiklopediya Publ., 1983. 840 p.
Tarmaeva V.D. Yazykovaya igra i frazeologicheskij oborot [Language game and idiomatic phrase]. *Frazeologiya i lichnost'* [Phraseology and personality]. Irkutsk: IGLU Publ. 1995. Pp. 114–119.
Tarmaeva V.D. Kognitivnaya priroda frazeologicheskogo paradoksa v angliyskom yazyke [The cognitive nature of phraseological paradox in English]. Ulan-Ude: BSU publ., 1999. 100 p.
Tarmaeva V.D. Divinatsiya sobytij kak ustanovka kognitivnoy garmonii v povestvovatel'nom diskurse [Divination of events as a component of cognitive harmony in narrative discourse]. *Filologiya i chelovek*. 2012. № 3. Pp. 86–95.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ:

Тармаева Виктория Ивановна, доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики

Сибирский федеральный университет

Россия, 660041, Красноярск, пр. Свободный, 79

E-mail: vtarmaeva@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Tarmaeva Victoria Ivanovna, Doctor of Philology, Professor of the Department of Journalism

Siberian Federal University

79 Svobodny Prospect, Krasnoyarsk 660041 Russia

E-mail: vtarmaeva@mail.ru